

Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ Костромскимъ Платономъ.

Петръ Симоновичъ цѣлую четверть вѣка прослужилъ въ академіи подъ управленіемъ митрополита Филарета. Вліяніе Филарета на всю академическую жизнь было весьма сильно и всякій, служившій подъ его управленіемъ, въ той или другой мѣрѣ испытывалъ это вліяніе. Можно сказать, что личность митрополита была центромъ, около котораго вращалась академическая жизнь и сосредоточивалось вниманіе членовъ академической семьи. Особенно глубокой и живой интересъ личность Филарета возбуждала въ П. С-чѣ. Съ пѣлю уясненія колоссальной личности и дѣятельности Филарета, П. С-чѣ еще за нѣсколько лѣтъ до его кончины началъ писать свои записки о немъ. Въ этихъ запискахъ онъ высказываетъ свои сужденія о митрополитѣ, рассказываетъ о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ и передаетъ рассказы и отзывы немъ современниковъ. Записки П. С-ча, какъ историческій матеріалъ интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ отражалась великая личность святителя въ сознаніи его современниковъ, которые находились подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и испытывали болѣе сильныя и глубокия впечатлѣнія отъ его дѣятельности. Подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ дѣйствій и распоряженій Филарета, П. С-чѣ склоненъ былъ многому въ немъ несочувствовать. П. С-ча поражали противорѣчія во многихъ дѣйствіяхъ митрополита и отсутствіе иногда и справедливости, тягостное впечатлѣніе производило его строго-

итическое отношеніе къ чужимъ мыслямъ и дѣйствіямъ, подавлявшее свободу мысли и дѣятельности въ подчиненныхъ, возбуждалъ недоумѣніе его крайній консерватизмъ, противодѣйствовавшій всякой попыткѣ къ преобразованіямъ. Но по мѣрѣ того, какъ непосредственныя впечатлѣнія сглаживались и въ сознаніи яснѣе выступалъ цѣльный величавой образъ великаго святителя, измѣнялись и сужденія о немъ П. С-ча. Возможность различныхъ сужденій о Филаретѣ объясняется тѣмъ, что онъ, по словамъ П. С-ча, во многомъ „былъ загадкою для современниковъ и такимъ останется и для потомства. „Митрополитъ Филаретъ, пишетъ П. С-чъ въ своихъ запискахъ, есть и будетъ загадкою и камнемъ преткновенія. Всѣ согласны въ томъ, что онъ человѣкъ отличнѣйшаго ума, неутомимой дѣятельности, добросовѣстный, глубоко благочестивый, чуждый корысти, строго воздержанный и умѣренный и не любящій роскоши. Но частныя дѣйствія его поражаютъ какимъ то противорѣчіемъ, странностію и повидимому несправедливостію. Всѣ его уважаютъ, но едва ли кто изъ подчиненныхъ любитъ. Самые близкіе люди къ нему говорятъ: „тяжелъ онъ“ и рады бывають, когда освобождаются отъ его непосредственнаго вліянія. Взысканный и обласканный имъ съ окончанія академическаго курса Алексій, теперешній тульскій епископъ, сильно желалъ освободиться отъ викаріатства въ Москвѣ. Намѣстникъ лавры Антоній, духовный отецъ митрополита, съ которымъ митрополитъ совѣтуется почти во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, умѣвши заставить его дѣлать все по своей волѣ, говорилъ мнѣ: „двадцать пять лѣтъ служу я и каждый шагъ долженъ рассчитывать. Когда безъ сношенія съ митрополитомъ ему прислали дипломъ на званіе члена археологическаго Общества, онъ просилъ меня уничтожить это избраніе изъ опасенія разгнѣвать митрополита. А. П. Святославскій, тридцать лѣтъ служившій у него секретаремъ, говорилъ: „знаю, что Владыка привыкъ ко мнѣ, любить меня, но никогда онъ не вышелъ изъ начальническаго отношенія, никогда онъ не говорилъ со мною просто, довѣренно“. Разъ А. Н. Муравьевъ поднялъ споръ съ Ректоромъ академіи Евсеіемъ о времени пресуществленія св. даровъ по тому поводу, что Евсеій высказалъ мысль, что и произнесеніе словъ Спасителя: *примите ядите.. и пите и*

проч. имѣють силу при присуществленіи даровъ. Муравьевъ былъ тогда въ Грузіи и ссылаясь на голосъ Грузинской церкви, указывая на мнѣніе экзарха Грузіи Исидора. Митрополита начали раздражать письма Муравьева. „Что за представитель Грузинской церкви, не умѣющей читать по грузински?“ Святославскій, видя, что письма Муравьевъ раздражаютъ митрополита, рѣшился ихъ не показывать. Но въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ Муравьевъ просилъ уже прощенія. Пріѣхалъ изъ Грузіи; послѣдовало объясненіе и признали виноватымъ Святославскаго. Митрополитъ началъ его бранить: „развѣ ты меня не знаешь?“. Потому что тебя знаю, я такъ и поступалъ, говорилъ намъ Святославскій, а ему ничего не смѣлъ сказать и только просилъ прощенія. Вообще рѣдкое дѣло рѣшались доложить ему такъ, какъ оно есть, боясь испортить его. Но какъ нибудь кривыми, окольными путями доводили до него, принаравливаясь къ его взгляду и характеру, и тогда дѣло получало успѣхъ. Бывало соберемся у Ректора Алексія и онъ начнетъ придумывать какъ начать говорить о дѣлѣ. Иногда онъ рѣшался просить противоположнаго тому, чего хотѣлъ и достигалъ исполненія своего желанія. Часто мнѣ съ грустію представлялось: какъ это человѣкъ дожилъ до старости и не заслужилъ такого уваженія и довѣренности, чтобы ему говорили правду прямо, безъ лукавства. Но къ этому слѣдовало бы ранѣе пріучать митрополита. Въ высшей степени раздражительный, онъ вспыхивалъ какъ порохъ при противорѣчїи, при вѣсти о безпорядкахъ и забывалъ себя. Леонидъ Красногѣвковъ, сдѣлавшись Ректоромъ Виѣанской семинаріи, говорилъ: „что это вы боитесь митрополита; я говорю съ нимъ какъ съ отцемъ прямо, откровенно. Дѣйствительно митрополитъ слушалъ его, но наконецъ семь разъ сказалъ ему: дуракъ. И съ тѣхъ поръ полно Леонидъ бесѣдовать съ нимъ откровенно. Всю жизнь онъ борется съ своею раздражительностію и нѣсколько сталъ смягчать ее въ послѣднее время. Не было, я думаю, человѣка, который бы въ состоянїи былъ вынести эти минуты его гнѣва, когда за-сверкають его глаза и посыплются бранныя слова. Напрасно бы оправдываться въ это время. Единственное средство успокоить его—это на гнѣвъ отвѣчать поклономъ. Будучи жестокимъ на словахъ, Филаретъ хотя былъ строгъ,

но не былъ жестокъ на дѣлѣ. Послѣ вспышки онъ старался обыкновенно какъ нибудь утѣшить огорченнаго. Два раза я испыталъ на себѣ его гнѣвъ. Разъ мнѣ назначена была проповѣдь на 1-е іюля. Этотъ день онъ былъ въ лаврѣ и проповѣдь представлена была ему. Я писалъ противъ гнѣва. Предметъ ли проповѣди, въ которомъ онъ могъ усматривать осужденіе его, или неудовольствіе на меня за одно дѣло по цензурному комитету дали случай проявиться его гнѣву на меня. Дѣло въ томъ, что я возвратилъ одну рукопись въ гражданскій цензурный комитетъ отъ своего имени, и когда митрополитъ потребовалъ у меня объясненія по жалобѣ автора, я сказалъ, что рукопись писана также безсмысленно, какъ и письмо къ Вашему Высокопреосвященству. Митрополитъ при этихъ словахъ убѣждалъ, ни слова не говоря, въ кабинетъ, не благословивъ меня. Онъ очень недоволенъ былъ проповѣдью и присылаетъ келейника, чтобы я съ Ректоромъ явился къ нему. Меня не было дома. Не прошло полчаса, какъ къ Ректору является въ другой разъ келейникъ, требуя, чтобы мы скорѣе явились. Прихожу я къ Ректору. „Горитъ Владыка, говорить онъ, приготовьтесь“. Принялъ насъ въ гостинной и не посадилъ. „Что ты пишешь, что Государыня мать отечества?“ „Государя мы называемъ отцомъ отечества, такъ я почелъ возможнымъ и Государыню назвать матерью“. „Государь царствуетъ, а Государыня не царствуетъ — это глупо“. „Какъ ты осуждаешь совершенно гнѣвъ?“ Самъ Спаситель гнѣвался и сказано: гнѣвайтесь, но не согрѣшайте“. „Въ чистой природѣ Спасителя, отвѣчалъ я, могло быть движеніе гнѣва безъ грѣха, но въ нашей природѣ я не могу представить его безъ грѣховнаго страстнаго движенія“. Сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій. Именно у меня сказано было, что всякій человѣкъ долженъ пройти время строгаго суда надъ недостатками ближняго, пока не вступить въ тихую область любви Евангельской. Митрополитъ сказалъ, что это невѣрно и что строгій судъ надъ недостатками ближняго есть грѣхъ. Въ одномъ мѣстѣ въ проповѣди моеѣ было вставлено Ректоромъ слово: *оно*. Митрополитъ вскричалъ: „за чѣмъ тутъ вставлено *оно*? Да тутъ смысла нѣтъ! да ты грамматики не знаешь!“ Я, не желая уже вмѣшивать Ректора въ отвѣтственность, принялъ на себя это слово и сказалъ: „мнѣ казалось нужнымъ это

слово для ясности“. Я впрочемъ не зналъ, что было вписано это слово, а отвѣчалъ, что пришло въ голову. „Какая ясность“? сказалъ митрополитъ. „Вы грамматики не знаете. Ректоръ! чего ты смотрѣлъ? Я въ правѣ думать, что и ты такой же дуракъ“. Мы знали слабость митрополита учить всѣхъ грамматикѣ, читать проповѣди заслуженныхъ священниковъ и профессоровъ, какъ ученическія задачи и промолчали. Перевернувъ послѣднюю страницу проповѣди, митрополитъ закричалъ: „а это чему ты учишь? Какъ можно подобныя мерзости говорить съ церковной кафедрой“? Я не понималъ, о чемъ онъ хочетъ сказать и смотрѣлъ на него вопросительно. „Какъ же ты естественную любовь называешь небомъ, а христіанскую землю“? У тебя написано: „любовь естественная также далеко отстоитъ отъ любви христіанской, какъ небо отъ земли“. Я едва не засмѣялся. „Проповѣдь не годится, сказалъ митрополитъ, не внимательно написана“. „Извините, сказалъ я, только одинъ день писалъ ее, по окончаніи экзамена“. „Надо переписать“. Мы поклонились и ушли. „Вы хорошо себя держали“, сказалъ Ректоръ. „Надо переписать проповѣдь“? спросилъ я. „Къ чему, сказалъ Ректоръ, и кому дать переписывать. Студентамъ не хорошо показать черканье митрополита“. „Для меня ничего и поправка будетъ состоять въ двухъ, трехъ словахъ“. Я исправилъ, далъ переписать и принесъ Ректору. Ректоръ опять пошелъ съ проповѣдью. Митрополитъ встрѣтилъ его словами: „ты не осердился ли, что я такъ жестко сказалъ? Я нарочно при немъ сказалъ, чтобы не сердились на тебя, если ты будешь поправлять“. „Я не осердился, сказалъ Ректоръ, но мнѣ было больно, что Вы въ такомъ неспокойномъ состояніи“. „Я? я ничего, сказалъ митрополитъ, пойдемъ читать проповѣдь“. Вышелъ на террасу и сталъ читать. Дошелъ до того мѣста въ проповѣди, гдѣ сказано, что всякій долженъ пройти время строгаго суда надъ недостатками ближняго. „Что же? я сказалъ это исправить“. „Г. профессоръ не отказывается отъ своей мысли“, отвѣчалъ Ректоръ. „Онъ не отказывается, сказалъ митрополитъ, а у меня есть перо, я могу зачеркнуть“. Написалъ: „говорить“. Во время обѣдни подхожу къ нему за благословеніемъ на произнесеніе проповѣди, онъ махнулъ рукою въ знакъ отказа. Причастившись онъ подзываетъ меня къ себѣ и говоритъ: „ты училъ безгнѣвію, не

гнѣвайся и самъ на меня, что твой трудъ даромъ пропалъ. Видишь, я едва держусь“. Тѣмъ и кончилась эта исторія.

Въ другой разъ двоюродный мой братъ обратился ко мнѣ съ просьбою походатайствовать предъ митрополитомъ объ опредѣленіи его въ діакона. Митрополитъ въ это время былъ въ скиту. Онъ причащался въ этотъ день; тутъ же причащался и А. Н. Муравьевъ. Братъ торопилъ меня, чтобы поскорѣе попросить митрополита, дабы онъ не отдалъ мѣста другому: Не рѣшаясь беспокоить митрополита въ этотъ день самъ, я рѣшился обратиться къ посредничеству Муравьева, и написалъ письмо, гдѣ между прочимъ сказалъ, что можетъ быть тѣнь вины брата безъ вины пала на ученика этого. Родной братъ этого ученика нагрубилъ инспектору и за это былъ высланъ изъ Виѣанской семинаріи въ Московскую. По усиленной только моей просьбѣ не былъ онъ исключенъ, и будучи изъ отличныхъ учениковъ, едва кончилъ курсъ во второмъ разрядѣ. Не надѣясь получить хорошаго мѣста въ духовномъ званіи, ушелъ въ университетъ. Вина его была та: инспекторъ услышалъ, что въ первомъ номерѣ богословскомъ, гдѣ былъ старшимъ этотъ ученикъ, кричали его товарищи. Придя въ столовую, инспекторъ послалъ старшаго дежурнаго отнять ложку у этого ученика. Ученикъ, по фамиліи Лосевъ, не далъ ложки. Инспекторъ сталъ ее требовать. *Лосевъ отвѣчалъ: если угодно Вамъ лишить меня стола, прикажите выдти изъ столовой или запретите ѣсть, а ложка моя собственность и я ее не отдамъ.* За это положили исключить его изъ семинаріи. И я едва отстоялъ его. Братъ его нѣсколько былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Викарій, помня это, настоялъ, чтобы ему не давать священническаго мѣста, а потому онъ и подавалъ во діакона. Муравьевъ показалъ письмо мое митрополиту. Митрополитъ вырвалъ письмо изъ рукъ его и вышелъ изъ себя. Что онъ говорилъ, я не знаю. Но Муравьевъ прямо изъ скита проѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что митрополитъ раздраженъ и говорить: „развѣ онъ не имѣетъ самъ доступа ко мнѣ. Митрополитъ пріѣхалъ въ Лавру и я пошелъ къ нему. „Что ты?“ спросилъ онъ. „Я пришелъ лично повторить Вамъ ту просьбу, которую передалъ чрезъ Андрея Николаевича“. „Если бы ты прямо пришелъ хорошо бы, а то ты пролазничаетъ, развѣ ты не имѣешь ко мнѣ доступа,

зачѣмъ ты вмѣшиваешь А. Николаевича“? Я сказалъ, что такое время было, когда я самъ не рѣшился безпоконтъ Васъ. А. Николаевичъ былъ подлѣ Васъ; его я считаю равнымъ себѣ, а не протекціей какой либо. „Ты дурно обо мнѣ думаешь“. „Нисколько Владыка“. Онъ побѣждалъ отъ меня. „Да постойте“, сказалъ я въ слѣдъ ему, что же Вы скажете на мою просьбу“? Держась за ручку двери, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ онъ сказалъ: „когда просьба придетъ, скажи мнѣ“. Послѣ Ректору говорилъ: „зачѣмъ я обращаюсь къ Муравьеву, развѣ не имѣеть онъ самъ ко мнѣ доступа“. Ректоръ присовѣтовалъ мнѣ просить прощенія. Я было пришолъ, онъ не принялъ. Онъ долженъ былъ видѣть, что я хлопочу и принимаю неприятности для успокоенія другаго, а не для себя. Ученикъ получилъ мѣсто, хотя не то, которое желалъ. Митрополитъ вообще тяготится постороннимъ ходатайствомъ. Одинъ Московскій священникъ явился къ нему просить о своемъ зятѣ, чтобы его изъ Смоленска перевели въ профессора въ Виѣанскую семинарію. Митрополитъ закричалъ на него и съ гнѣвомъ отослалъ его. Ректоръ Академіи, желая сдѣлать угодное этому священнику, послѣ этой исторіи не зналъ, какъ доложить митрополиту о переводѣ Смоленскаго профессора. Но когда Ректоръ пришелъ говорить о размѣщеніи наставниковъ, митрополитъ говорить ему: „меня просилъ одинъ священникъ о своемъ зятѣ, можно ли это сдѣлать“. Ректоръ былъ очень пораженъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Въ молодости своей Филаретъ былъ либералъ, тѣсно связанъ былъ со всѣмъ обществомъ мистико-масонскимъ, другъ Александра Николаевича Голицына съ стремленіями къ преобразованію. Подъ старость онъ сдѣлался крайнимъ консерваторомъ, стоящимъ за все старое, но не столько, кажется, по глубокой привязанности, сколько по внѣшнимъ побужденіямъ. Когда я въ жизни преосвященнаго Кирилла, говоря объ образованіи въ Петербургской академіи, коснулся лжемистицизма и Фелера, митрополитъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „человѣкъ берется говорить о томъ, чего не знаетъ: и люди, близко стоявшіе, не видѣли всего. Развѣ въ академіи учили ложному мистицизму“? Однажды онъ высказалъ, что началъ было писать записки о своей жизни, но потомъ бросилъ ихъ въ огонь, потому что иное самъ не такъ пони-

маль, и иное иначе было. Рассказывалъ онъ, что Лабзинъ бывалъ у него нерѣдко. „Это былъ, говоритъ онъ, человѣкъ живой, энергичный. Разъ пріѣхалъ онъ ко мнѣ и вдругъ упалъ; побѣжали за человѣкомъ его, не зная, что дѣлать. Тотъ просилъ оставить его въ покоѣ! Прележалъ нѣсколько часовъ Лабзинъ и очнулся“. Но вообще митрополитъ не любилъ касаться эпохи силы А. Н. Голлицына. Онъ увлекался прежде явленіями магнетизма, но когда въ послѣднее время княгиня А. А. Горчакова пришла просить у него благословенія по совѣту нѣкоторыхъ лечить магнетизмомъ свою дочь больную, онъ сказалъ: „я не могу дать благословенія. Прежде я былъ другихъ мыслей о магнетизмѣ“. Чрезвычайная живость его характера, самая вспыльчивость показываетъ, что онъ способенъ къ глубокимъ чувствамъ. Но всегда онъ избѣгалъ обнаруживать ихъ, скрывалъ и подавлялъ. Если иногда въ проповѣдяхъ прорывалось это чувство, если онъ проговаривался объ опытахъ нравственной жизни, онъ не давалъ въ печать этихъ проповѣдей.

Митрополитъ противникъ всѣхъ нововведеній въ семинаріяхъ, предпринимаемыхъ въ послѣднее время. „Нынѣ, говоритъ онъ, все хотятъ преобразовывать. Къ чему это? И. С. Гаевскій, осматривая академіи и семинаріи, замѣтилъ между прочимъ: „зачѣмъ въ комнатахъ старшіе изъ учениковъ? Митрополитъ узналъ это съ большимъ неудовольствіемъ. „Что же это? Это значитъ сказать ученикамъ, что старый уставъ не годится“.

Вліяніе его на занятія ученыхъ было не поощряющее, а скорѣе подавляющее. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ ученыхъ въ академіи часто не знаютъ, какъ ему угодить. Чего онъ въ одинъ разъ требовалъ, то въ другой осуждалъ. Когда дошли до заключенія, что литургія преосвященныхъ даровъ Григорію Двоеслову не принадлежитъ, опасались ему высказать это, но онъ сказалъ: „зачѣмъ стоять за гнилое? Что за преданіе, когда оно не имѣетъ на своей сторонѣ исторической достовѣрности. Но въ другое время сильно порицалъ всякую попытку критически разобрать основанія преданія. Если наставникъ хочетъ въ наукѣ идти новымъ путемъ, заботиться только о томъ, чтобы митрополитъ не узналъ. Какъ ревизоръ онъ имѣетъ обыкновеніе спрашивать письменнаго отзыва, что сдѣлалъ каждый по наукѣ своей. Наставникъ,

преподававшій библейскую исторію, написалъ, что онъ по своимъ запискамъ читалъ эту науку. „Подать мнѣ эти записки!“ сказалъ митрополитъ. „Развѣ нѣтъ у него учебника?“ Онъ разумѣлъ написанную имъ когда-то библейскую исторію. Записки доставили ему, объяснивъ, что студенты учатъ только его книгу. Это его успокоило. Онъ не любилъ, чтобы подчиненные ему лица выдавали что нибудь въ свѣтъ безъ его позволенія. Онъ не скучаетъ и не тяготится никакимъ дѣломъ, все хочетъ знать, все хочетъ видѣть, во всемъ принять участіе и видѣть исполненіе своей воли. Онъ сердится, когда мимо его пройдетъ какое нибудь дѣло. Прислали ему изъ археологическаго общества для разсмотрѣнія сочиненіе Ровинскаго объ иконописаніи. „Зачѣмъ мнѣ присылаютъ, говорилъ онъ. Время ли мнѣ заниматься посторонними дѣлами? Но впрочемъ хорошо, что прислали; тутъ многое наврано; безъ меня они напечатали бы“. Послѣ коронаціи пріѣзжаетъ онъ въ лавру часу въ восьмомъ. Онъ сталъ извиняться предъ профессоромъ А. В. Горскимъ, что не прочиталъ его сочиненіе. „Некогда было; и въ полночь и за полночь будятъ съ пакетами съ надписью: *нужное* и я долженъ отвѣчать, днемъ пріѣзды, выѣзды, служенія и распорядженія. На другой день чрезъ полчаса послѣ обѣдни намѣстникъ приходитъ къ митрополиту. Онъ недовольный ходитъ по комнатѣ. „Здоровы ли Владыка?“ „Вотъ, отвѣчалъ онъ, въ Москвѣ не было отдыха, а здѣсь никакого дѣла нѣтъ“. Отдохнуть полчаса казалось ему тягостію. Служить онъ очень часто и особенно любитъ освящать храмы. Эта любовь къ освященію храмовъ есть тайна его души. Отдыха въ теченіе дня онъ рѣдко даетъ себѣ на полчаса. Вечерню, утреню и обѣдню выслушиваетъ всегда. Привычка къ дѣламъ консисторскимъ, вообще судебнымъ и слѣдственнымъ, при его остромъ и проницательномъ умѣ, облегчаетъ работу. Онъ скоро открываетъ существенныя стороны въ дѣлѣ, но ему тяжело было бы измѣненіе порядка дѣлъ. Викарій Порфирій указывалъ ему на нѣкоторыя учрежденія въ другихъ епархіяхъ. „Правда это лучше, но я такъ привыкъ“. Личныя свои чувства онъ вноситъ нерѣдко въ рѣшеніе дѣлъ и по одному дѣлу даетъ два разныя рѣшенія. Когда ему указывали на его предшествующую резолюцію, онъ говорилъ: „да это по особымъ обстоятельствамъ“. Когда ему указы-

вали на законы, онъ говорилъ: „законы есть у насъ глупые, что ихъ слушать“. Его взгляды настраивались иногда по его личнымъ расположеніямъ. Напр. онъ обыкновенно не любилъ, если наставники академіи или семинаріи скоро послѣ окончанія курса женились. Съ не охотою онъ давалъ разрѣшеніе и писалъ: „пустъ“, или „не препятствую“. Но когда любимый имъ внукъ вздумалъ жениться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія курса, онъ сталъ разсуждать такъ: „хорошо дѣлаютъ тѣ, которые рано женятся. Не женатый человѣкъ до старыхъ лѣтъ остается съ дѣтскими понятіями о вещахъ, а женатый пріобрѣтаетъ положительный взглядъ; онъ пріучается управлять домомъ, владѣть собою и женою“.

Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ слушаютъ совѣтовъ митрополита, но напрасно бы въ его дѣйствіяхъ искать опредѣленнаго плана. Онъ болѣе способенъ блюсти за сохраненіемъ обычнаго порядка, чѣмъ быть кормчимъ въ смутное время. У него не достаетъ смѣлости въ трудныя минуты сдѣлать рѣшительный шагъ; онъ прежде видитъ опасныя послѣдствія, нежели полезныя. Онъ часто дѣлаетъ уступки. Онъ извинялъ даже протестантизмъ богословія Платона тѣмъ, что въ трудныхъ обстоятельствахъ уступаютъ непріятелю внѣшнія укрѣпленія, чтобы лучше остоять внутреннія.

Митрополитъ Филаретъ не имѣлъ дара, которымъ владѣлъ митрополитъ Платонъ,—отыскивать даровитыхъ людей, такъ сказать создавать ихъ. Всѣ, кого онъ приближалъ къ себѣ, были люди часто посредственные, а иногда и совершенно ничтожныя. Въ свою академію и семинаріи онъ могъ бы собрать отличнѣйшихъ людей изъ всей Россіи, могъ бы изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ академіи образовать превосходныхъ ректоровъ, а между тѣмъ въ семинаріяхъ и академіи ректора были большею частію посредственные. Онъ хотѣлъ видѣть въ своихъ подчиненныхъ начальникахъ только исполнителей. Всякая свободная мысль, стремленіе къ самостоятельной дѣятельности, къ преобразованіямъ были подавляемы имъ. Единственное исключеніе составляетъ намѣстникъ лавры Антоній, безспорно человѣкъ замѣчательнѣйшій. Но мнѣ думается, что если бы Филаретъ зналъ его хорошо сначала, то не взялъ бы его къ себѣ. Сколько изворотовъ, хитрости долженъ былъ употреблять Антоній, чтобы

вводить, улучшенія въ лаврѣ? Чувствуя въ себѣ избытокъ ума, Филаретъ какъ бы тяготился присутствіемъ при себѣ умныхъ людей. Онъ почиталъ достаточнымъ одинъ свой умъ чтобы всѣхъ руководить и учить. Домашняя свита его состоитъ изъ самыхъ негодныхъ людей и онъ этого не знаетъ. Ему никто не смѣетъ этого сказать. Онъ чрезвычайно щекотливъ къ своей чести, и ни чѣмъ его нельзя такъ огорчить, какъ указать безпорядки тамъ, гдѣ дѣйствуетъ его непосредственное вліяніе. Митрополитъ Филаретъ не охотно принимаетъ доносы на подчиненныхъ. Разъ онъ сталъ Мельхиседеку, симоновскому архимандриту, говорить, что противъ его монастыря есть какой то домъ, куда онъ по вечерамъ отправляется. Мельхиседекъ на это сказалъ: „въ первый разъ слышу“. „Если хочешь слышать другой разъ, сказалъ митрополитъ, то спроси у Снегирева. Разъ при мнѣ митрополитъ сдѣлалъ рѣзкій намекъ на его злой языкъ. Митрополитъ пріѣхалъ къ Г. П. Головину въ деревню. Приложившись къ иконѣ Владимірской Богоматери, онъ замѣтилъ, что икона сохранилась прекрасно, только почернѣла ручка, къ которой прикладываются. И при этомъ замѣтилъ, что и въ мощахъ тоже бываетъ. Снегиревъ сказалъ митрополиту: „это отъ недостойнаго прикосновенія нашихъ устъ, святой владыка“. „Не отъ устъ, отвѣчалъ митрополитъ, уста не виноваты, а отъ языка нашего сквернаго“. Одинъ студентъ, котораго начальство хотѣло исключить за нетрезвость, пришелъ къ митрополиту просить помилованія. Митрополитъ сказалъ ему: „о тебѣ говорятъ, что ты бываешь нетрезвъ?“ Студентъ въ оправданіе сказалъ, что онъ не одинъ пилъ, но и другіе. Митрополитъ прогналъ его и послѣ говорилъ: „если бы просто! просилъ милости, я бы простилъ его. Но онъ хочетъ свое оправданіе основать на несчастіи другихъ и я его прогналъ“. Митрополитъ впрочемъ не разъ производилъ тревогу по болтовнѣ А. Н. Муравьева. Муравьева онъ охотно слушаетъ. Въ новый годъ однажды Муравьевъ говоритъ ему: „чѣмъ бы мнѣ васъ подарить владыка?“ Правдою Андрей Николаевичъ,—говорите мнѣ правду.

Митрополитъ Филаретъ держа себя далеко отъ подчиненнаго духовенства, охотно принимаетъ странниковъ, юродивыхъ. Навѣсилъ себѣ на спину деревянный крестикъ данный какимъ то юродивымъ, ходить съ простою, некрашеною

тростію, принесенною вѣроятно кѣмъ либо изъ Іерусалима. Равно къ свѣтскимъ, даже не важнымъ чиновникамъ, онъ весьма предупредителенъ и любезенъ. Даже къ профессорами во фракѣ онъ учтивѣе, нежели къ надѣвшему ряску. Удачно выразился о Филаретѣ одинъ архипастырь русской церкви, хорошо знавшій его: ваше солнце свѣтитъ, а не грѣетъ.

Мы пишемъ не жизнь его, не описываемъ его дѣятельности, но только хотимъ обозначить черты его характера.“

Такъ писалъ П. С-чъ о митрополитѣ Филаретѣ въ 50-хъ годахъ. Изъ отзывовъ П. С-ча о митрополитѣ, писанныхъ послѣ, мы видимъ, что сужденія его о немъ во многомъ измѣнились. Въ 1876 году П. С-чъ писалъ своему брату: „лѣтъ двадцать тому назадъ составлена была мною нѣкоторая характеристика митрополита Филарета. При концѣ его жизни я бы написалъ совсѣмъ иначе. Думаю—это зависѣло не столько отъ измѣненія моего взгляда и убѣжденій, сколько отъ измѣненія самаго митрополита въ его дѣятельности. И высокимъ умомъ и великимъ людямъ нужно время для исправленія нѣкоторыхъ сторонъ своего характера“. Но нужно сказать, что и сужденія самаго П. С-ча о митрополитѣ, при большемъ знакомствѣ съ нимъ и болѣе внимательномъ разсмотрѣніи его дѣйствій, во многомъ измѣнились. Многие въ дѣйствіяхъ митрополита объяснились впоследствии для П. С-ча особенными свойствами оригинальной личности Филарета, его особеннымъ положеніемъ и тою эпохою, въ которую ему пришлось жить и дѣйствовать. Двадцатипятилѣтнее знакомство съ митрополитомъ оставило въ П. С-чѣ глубокое, можно сказать, благоговѣйное уваженіе къ нему и П. С-чъ весьма дорожилъ уроками, какіе онъ вынесъ изъ школы великаго святителя. Но эту школу онъ проходилъ также, какъ и большинство его современниковъ: сначала чувствовалось тяжесть уроковъ этой школы, а впоследствии разнообразныя впечатлѣнія отъ дѣйствій и распоряженій митрополита сводились къ общему синтезу и сливались въ общемъ чувствѣ глубокаго почитанія величавой личности Филарета. Спустя десять лѣтъ послѣ кончины митрополита П. С-чъ пишетъ такую его характеристику. „Онъ былъ по преимуществу мужъ долга: чувству долга строго подчинялъ онъ и свои мнѣнія и свои чувстваванія. Каковы бы не были его

мысли и убѣжденія о какомъ либо дѣлѣ, онъ прежде всего имѣлъ въ виду законъ, или волю власти, имѣющей право приказывать. Онъ былъ потому строгій консерваторъ; не охотно рѣшался на нововведенія. Отъ подчиненныхъ ему начальниковъ онъ требовалъ, чтобы они сохраняли установленный порядокъ и возстановляли его, если онъ былъ нарушаемъ. Именно любовь къ порядку и дѣлала его консерваторомъ; въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ взглядахъ онъ не сочувствовалъ многому изъ того, что онъ охранялъ, но онъ опасался, что нововведенія, не давъ лучшаго порядка, разрушатъ только прежній. Вообще онъ не былъ упоренъ въ проведеніи въ дѣйствіе своихъ намѣреній, ибо упорство есть признакъ ограниченнаго ума. При своемъ обширномъ умѣ, обозрѣвая предметъ со всѣхъ сторонъ, онъ на практикѣ дѣлалъ уступки и такимъ мнѣніямъ, которыхъ въ теоріи онъ не раздѣлялъ, имѣя въ виду другія соображенія ¹⁾. Онъ часто уважалъ несогласныя съ своими мыслями мысли и желанія подчиненныхъ начальниковъ, если они настойчиво домогались исполненія ихъ. Но это доставалось не легко, а потому и немногіе рѣшались настойчиво отстаивать свои желанія предъ Филаретомъ, державшимъ подчиненныхъ ему въ отдаленіи отъ себя. Онъ какъ бы обвелъ себя чертою, далѣе которой не позволялъ приближаться къ себѣ и довѣреннымъ лицамъ изъ подчиненныхъ ему, — можетъ быть потому, что онъ сдѣлался бы слугою человѣка, котораго допустилъ бы за эту черту. Какъ это нерѣдко встрѣчается въ особенныхъ натурахъ, въ Филаретѣ совмѣщались повидимому несомвѣстимыя свойства. При глубокомъ критическомъ умѣ онъ съ дѣтства до могилы сохранилъ дѣтскую вѣру; при строгости и малодоступности къ подчиненнымъ, при величавости въ официальныхъ отношеніяхъ онъ былъ простъ въ домашней жизни и искренно смиренъ во мнѣніи о себѣ; при сухости и холодности внѣшняго обращенія онъ имѣлъ любящее довѣрчивое сердце, тонкій политикъ въ дѣлахъ онъ мало зналъ практическую жизнь и людей и жилъ въ своего рода идеальномъ мірѣ“.

¹⁾ Это свойство многообъемлющаго ума Филарета, любившаго обращать вниманіе на всѣ стороны предмета, объясняетъ возможность разнообразныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ.

Митрополитъ Филаретъ, мужъ преимущественно долга, роднилъ съ собою и оказывалъ болѣе сильное вліяніе на тѣхъ изъ своихъ современниковъ, въ нравственномъ характерѣ которыхъ преобладала эта черта. И уроки школы Филаретовой могли быть болѣе глубоко воспринимаемы такими мужами долга, какимъ являлъ себя въ своей служебной и частной жизни П. С - чъ. Чувство нравственного долга, чуждое формализма, соединенное съ подвижностію мысли и съ способностію къ живому сердечному отношенію къ людямъ составляло въ характерѣ П. С - ча ту черту, которая привлекала къ нему симпатіи учащейся молодежи. П. С - чъ всегда требовалъ отъ студентовъ строгаго исполненія обязанностей, сильно вооружался противъ всякаго проявленія въ нихъ легкомысленнаго либерализма, въ личныхъ сношеніяхъ съ ними не отличался привѣтливостію, но не смотря на это молодежь, цѣня въ немъ челоуѣка твердаго нравственнаго устоя и глубоко честнаго, относилась къ нему всегда съ уваженіемъ. Нравственный авторитетъ П. С - ча среди студентовъ былъ великъ. Разъ студенты отказались написать сочиненіе, заданное инспекторомъ. Это сильно огорчило Ректора. П. С - чъ призвалъ къ себѣ студентовъ и посоветовалъ имъ немедленно просить прощенія у Ректора и студенты охотно послушались его совѣта. Квартира П. С - ча была надъ студенческими комнатами. Нерѣдко послѣ занятыхъ часовъ молодежь увлекалась желаніемъ пошумѣть, что иногда беспокоило П. С - ча и онъ обращался съ просьбами прекратить шумъ. Студенты обыкновенно притихали. Молодые люди обычно не очень симпатизируютъ виѣшнимъ проявленіямъ религіозности и при нѣкоторой односторонней теоретичности своихъ взглядовъ, склонны бываютъ видѣть въ нихъ проявленіе религіознаго формализма и даже фарисейства. П. С - чъ всегда являлъ примѣръ строгаго исполненія религіозныхъ обязанностей и молодежь относилась къ проявленіямъ его религіознаго чувства съ уваженіемъ, потому что воплѣвъ вѣрила въ ихъ искренность. П. С - чъ пользовался глубокимъ уваженіемъ студентовъ особенно потому, что всегда былъ готовъ оказывать содѣйствіе ихъ ученымъ работамъ книгами, совѣтами. Въ немъ была способность узнавать дарованія студентовъ. Даровитыхъ студентовъ онъ всегда старался выдвинуть, поощрять ихъ въ занятіяхъ и

проложить имъ путь къ занятію ученыхъ должностей. Въ послѣдній годъ его академической службы слушатели, прощаясь съ нимъ, выразили ему торжественно чувство глубокаго уваженія и благодарности и это чувство уваженія нѣсколько демонстративно выразили во время его докторскаго диспута.

Жизнь П. С-ча, сочетавшая серьезное служеніе наукъ съ самоотверженнымъ служеніемъ христіанина способна была производить глубокое воспитательное вліяніе на учащуюся молодежь и оставлять свѣтлыя воспоминанія, потому что не представляла разлада между жизнію и исповѣдуемыми убѣжденіями, разлада, который порождаетъ тягостныя, дѣйствующія болѣзненнымъ образомъ на юную душу, чувства и впечатлѣнія. Прекрасно выразилъ впечатлѣнія, какія производила труженническая жизнь П. С-ча на его слушателей, въ своей надгробной рѣчи доцентъ академіи В. А. Соколовъ ¹⁾. „Св. Апостоль Павелъ размышляя о концѣ своей земной жизни, высказываетъ увѣренность, что его земные труды не останутся безъ награды въ жизни будущей. *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь* (2 Тим. 4, 7). Думается мнѣ, что и ты, почившій, предстои страшному престолу Праведнаго Судіи, могъ бы хотя отчасти повторить слова Апостола: подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Каждый человѣкъ въ періодъ земной жизни идетъ по опредѣленной дорогѣ, посвящаетъ свои силы извѣстной дѣятельности, служить своему призванію. *Кійждо въ своемъ званіи да пребываетъ*, учитъ и Апостоль, потому что въ каждомъ званіи человѣкъ можетъ и долженъ приносить пользу.

Твоимъ званіемъ, почившій, была наука. Ей ты посвятилъ всѣ силы своей души, все время своей некратковременной жизни. Дѣтство и юность ты самъ учился, чтобы приготовить изъ себя хорошаго дѣятеля, чтобы во всеоружіи выступить въ послѣдствіи на дѣло научнаго служенія. И не безплодны были твои труды, если ты былъ признанъ способнымъ сдѣлаться наставникомъ другихъ. Тридцать самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни ты посвятилъ вышему учреж-

¹⁾ Нынѣ ординарный профессоръ и докторъ богословія.

денію, служившему опорой и разсадникомъ богословской науки. Свидѣтелями твоей самоотверженной ревности въ дѣлѣ этого служенія сотни твоихъ благодарныхъ учениковъ и слушателей, какъ разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ нашего отечества, такъ и сплотившихся теперь тѣсною толпою подлѣ твоего гроба. Когда ты, послѣ тридцатилѣтняго служенія, съ грустію раставался съ дорогою для тебя академіей, твои послѣдніе слушатели не могли удержаться, чтобы торжественнымъ, явнымъ для всѣхъ, образомъ не выразить тебѣ того чувства глубокаго уваженія и благодарности, которымъ они были проникнуты. И не одинъ разъ было это,—значить твои слушатели съ должною признательностію цѣнили твои труды. Но и не они одни благодарны тебѣ, не они одни будутъ всегда помнить твое имя. Тебя знаетъ всякій занимающійся исторіей нашего отечества; тебя всегда цѣнили и будутъ цѣнить и глубоко ученые представители нашей отечественной исторической науки. Всѣ свои досуги ты посвящалъ научнымъ изслѣдованіямъ; эти изслѣдованія были для тебя трудомъ и отдыхомъ, и твое имя навсегда неразрывно связано съ началомъ и развитіемъ нѣсколькихъ серьезныхъ научныхъ вопросовъ. Даже въ послѣдніе годы своей многотрудной жизни въ одномъ ты находилъ себѣ отраду и утѣшеніе—въ занятіяхъ наукою. Въ только что еще минувшемъ году каждый изъ нихъ могъ видѣть въ печати плоды твоихъ ученыхъ трудовъ. Итакъ, неуклонное слѣдованіе своему званію, цѣлая жизнь—для науки! Не ужели такой человѣкъ при концѣ своихъ земныхъ трудовъ не имѣетъ права сказать „подвигомъ добрымъ подвизахся“.

Но кромѣ частнаго званія въ той или другой сферѣ общественной дѣятельности, есть у всѣхъ насъ одно общее званіе быть христіаниномъ. Припоминая нѣкоторыя отличительныя черты твоего нравственнаго характера, я вижу въ тебѣ, почившій, человѣка не безъ права носившаго на себѣ святое имя христіанина. Кто изъ людей, близко знавшихъ тебя, не скажетъ напр., что любовь къ правдѣ всегда была одною изъ выдающихся чертъ твоей нравственной личности? При всѣхъ жизненныхъ столкновеніяхъ ты всегда поставлялъ себѣ задачею стоять за правду. Ради нея не щадилъ ты своихъ личныхъ выгодъ, готовъ былъ отказаться и отъ своихъ сердечныхъ симпатій. Ради этой то именно правды

твоей нравственный характеръ получилъ нѣкоторый отпечатокъ суровости, потому что правда всегда сурова при столкновении съ тѣми явленіями, которыя ей не соотвѣтствуютъ. Конечно, какъ человѣкъ, ты могъ иногда и ошибаться, но и при этихъ невольныхъ ошибкахъ только правда была всегда твоею цѣлю. И можно ли было считать суровымъ человѣка, который такъ любилъ и котораго такъ любили? У тебя не было семьи; ты не былъ мужемъ и отцемъ, но многихъ ли старцевъ окружаетъ такая многочисленная благословенная семья, какая окружала тебя? И съ тобою вмѣстѣ и подлѣ тебя, и вблизи и вдалекѣ ты всегда видѣлъ людей присныхъ тебѣ и искренно тебя любящихъ, а чтобы привлекать къ себѣ и пользоваться любовью другихъ, нужно и самому имѣть доброе любящее сердце.

Но вѣнцомъ твоихъ добрыхъ качествъ была безпредѣльная преданность Богу и Его святому закону. Твердая и строго православная религіозная убѣжденія ты усвоилъ и сохранилъ въ себѣ до послѣднихъ дней своей жизни, стараясь внушить ихъ и намъ, твоимъ слушателямъ. Святыя истины религіи ты полагалъ всегда въ основу и своихъ ученыхъ изслѣдованій. Мы твердо помнимъ, что въ своихъ академическихъ чтеніяхъ по исторіи ты всегда старался внушить намъ, что историческія судьбы человѣчества должны служить доказательствомъ дѣйствія въ нихъ Божественнаго Промысла. А твоя жизнь никогда не шла въ разрѣзъ съ убѣжденіями. Щедрая, чуждая всякой примѣси фарисейства, благотворительность, строго умѣренный, почти подвижническій образъ жизни и непрестанное памятованіе о Богѣ, выражавшееся въ ревностномъ посѣщеніи храма Божія, все это ясно доказывало въ тебѣ христіанина не на словахъ только, но и на дѣлѣ“.

Жизнь П. С—ча при его скромномъ званіи и не широкой дѣятельности не представляла какихъ либо особыхъ событій, способныхъ возбудить къ себѣ интересъ. Но эта скромная жизнь представляетъ такія черты, которыя достойны вполне сочувственнаго воспоминанія. Немного найдется людей способныхъ на такіе постоянные подвиги самоотверженія въ пользу другихъ, такъ всецѣло проникнутыхъ живою вѣрою и столь сильныхъ ею, какъ П. С—чь.

Почти со школьной скамьи и до гробовой доски П. С—чь

долженъ былъ заботиться о пропитаніи своихъ родныхъ. „Это былъ, скажемъ словами надгробной проповѣди, въ самомъ истиннѣйшемъ и высококомъ смыслѣ величайшій пропитатель“. Мать П. С—ча по кончинѣ своего мужа, осталась съ семьей безъ всякихъ средствъ. Пока живъ былъ братъ ея, преосвященный Кириллъ, онъ давалъ ей средства для содержанія и помогъ устроить двухъ дочерей. Но въ 1841 году преосвященный Кириллъ скончался, не оставивъ послѣ себя денегъ даже на похороны, которыя и совершены были на сумму, выданную по особому распоряженію Государя Императора. Даже то небольшое, что осталось изъ скуднаго имущества преосвященнаго Кирилла, не дошло въ цѣлости до его сестры. Исторія этого наслѣдства довольно любопытна. Преосвященный Кириллъ въ бытность на чредѣ въ Петербургѣ составилъ духовное завѣщаніе, которое было засвидѣтельствовано экономомъ архіерейскаго подворья и регентомъ пѣвчихъ. По кончинѣ Кирилла оставшееся послѣ него имущество принято было на храненіе чиновниками духовнаго вѣдомства, а завѣщаніе отправлено въ гражданскую палату. По истеченіи годового срока вызваны были наслѣдники, но выручить оставшееся имущество оказалось очень затруднительнымъ; въ хлопотахъ объ этомъ прошло шесть лѣтъ. Наконецъ разрѣшено было получить наслѣдство. За полученіемъ его въ Петербургъ отправился П. С—чъ. Тутъ то и начались мытарства, разсказъ о которыхъ всегда поднималъ горькое чувство въ П. С—чѣ. Особенно много пришлось испытать непріятностей отъ синодскихъ чиновниковъ, относившихся къ получателю наслѣдства весьма непредупредительно. Едва ли бы и удалось П. С—чу получить чтонибудь, если бы не принялъ въ этомъ дѣлѣ самаго живого участія оберъ-гофмейстеръ двора Государыни цесаревны В. Д. Олсуфьевъ, оставившій во всѣхъ знавшихъ его весьма свѣтлыя воспомнанія. При его содѣйствіи П. С—чу выдали имущество преосвященнаго Кирилла, но при этомъ оказалось, что лучшія вещи или исчезли или замѣнены были другими; одежда и бѣлье совершенно истлѣли.

По смерти преосвященнаго Кирилла попеченіе о матери легло на П. С—ча, который только что окончилъ курсъ. Вскорѣ для него явились другія заботы: двѣ сестры его овдовѣли. Младшая сестра, А. Симоновна, осталась послѣ

смерти своего мужа священника А. Е. Бѣляева съ четырьмя дѣтьми безъ всякихъ средствъ. Это былъ тяжелый ударъ для П. С—ча. Молодому человѣку только что оставившему школьную жизнь съ надеждами на лучшую самостоятельную жизнь, можетъ быть съ мечтами о жизни семейной, пришлось принять на себя заботу о сиромъ семействѣ. П. С—чь принялъ ее на себя, какъ ни тяжела она была при его скудныхъ средствахъ, безъ всякаго ропота, съ полною готовностію, съ полною преданностію вышей волѣ, устрояющей жизнь человѣческую. Апрѣля 29 1847 года П. С—чь писалъ своему брату: Апрѣля 22 дня, въ третьемъ часу не стало возлюбленнаго Андрея Егоровича. Тифозная горячка, свирѣпствовавшая въ Москвѣ, сразила его. Въ этомъ тяжкомъ горѣ утѣшеніемъ служить его христіанская кончина. Онъ умеръ безъ малѣйшей боязни смерти, безъ безпокойства объ участи семейства, поручая его единому Богу. И наканунѣ смерти еще въ полдень сказалъ мнѣ: нынѣшнюю ночь Господь воззоветъ меня къ себѣ. За десять минутъ до смерти сказалъ: теперь я позналъ суету этого міра. Самъ потребовалъ духовника, исповѣдовался и причастился въ полномъ сознаніи. Сестра осталась 24 лѣтъ; у ней три дочери, старшей пять лѣтъ и еще беременна. Касательно дочерей напишите къ Сергѣю Михайловичу Голицыну, чтобы онъ принялъ одну или двухъ въ холерное заведеніе или бывший Александровскій институтъ. У владыки былъ я два раза и хотя онъ съ участіемъ принялъ эту вѣсть, но говорить, что ничего не можетъ сдѣлать кромѣ назначенія пособія изъ Попечительства. Въ случаѣ недостаточности этого пособія поручилъ напоминать, и тогда, сказалъ онъ, можетъ быть откроются и другіе источники пособія. Якоже Господеви изволися, тако и быть. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“. На верху письма П. С—чь написалъ: „Подкрѣпивъ свой духъ теплою молитвою къ Распятому Господу и предавшись Его святой волѣ прочтите это письмо. Съ терпѣніемъ Іова нужно принимать посѣщенія Божія. Пусть хотя насильственно влечетъ насъ Господь къ Себѣ, только бы не отдалялъ отъ Себя“. Сестру П. С—чь убѣждалъ съ покорностію переносить несчастье. „При грустныхъ мысляхъ о лишеніи нашего добраго А. Егоровича успокоительная мысль о лучшей участи его даетъ и мнѣ

отраду. Укрѣпляйтесь и вы преданностію волѣ Божіей; рано вы вступили въ школу испытанія, полною покорностію Богу будьте совершенны. Какъ отрадно и успокоительно въ минуту грусти возложить все упованіе на Него, Отца сиротъ по преимуществу: Онъ близокъ къ вдовамъ и сиротамъ Своею любовію. Онъ отецъ, онъ другъ твой, возлюбленная сестрица. Ни чѣмъ такъ скоро не возрастаетъ челоуѣкъ для будущей жизни, какъ покорностію волѣ Божіей“.

Въ слѣдующемъ 1848 году умеръ старшій братъ П. С-ча А. С. Невскій, оставивъ послѣ себя вдову съ шестью малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ. П. С-чу пришлось заботиться объ устроении и этого семейства. Для устроения сиротъ онъ долженъ былъ усиленно трудиться, лишать себя многого, что считается необходимымъ въ жизни и навсегда отказаться отъ семейной жизни. И это тяжелое бремя П. С-чъ несъ всегда безропотно, какъ будто это была его непремѣнная и исключительная обязанность. Не очень много можно найти и родителей, которые такъ заботливо пеклись бы о своихъ дѣтяхъ, какъ П. С-чъ о своихъ сирыхъ родныхъ. „Для родныхъ писалъ онъ, я готовъ пойти въ кабалу“. Онъ отдавалъ роднымъ почти все средства, которыя приобреталъ путемъ усиленныхъ трудовъ и тяжкихъ лишений. Больной и нуждавшійся въ укрѣпляющей пищѣ, онъ лишалъ себя сытнаго стола, чтобы кормить сиротъ. Не одно только матеріальное пособіе всегда готовъ былъ оказать и оказывалъ П. С-чъ, но и всякую нравственную поддержку. Его любящая душа всегда была открыта для совѣта, утѣшенія въ скорбяхъ, сочувствія въ радостяхъ. Его стараніями два семейства сиротъ были устроены. Но не судилъ ему Богъ отдохнуть отъ трудовъ, которые для родныхъ онъ несъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить самостоятельною жизнью. Явилось новое поколѣніе сиротъ. Въ 1870 году умеръ мужъ одной изъ племянницъ П. С-ча діаконъ А. И. Ивероновъ, оставивъ вдову съ трими малолѣтними дѣтьми. П. С-чъ писалъ: „только что началъ было отдыхать отъ обустройства племянницъ, какъ опять предстала длинная забота, которая можетъ кончиться только концомъ жизни. Думалъ я вздохнуть посвободнѣе, но видно Богу угодно, чтобы до конца несъ возложенное служеніе“. Не только родные въ П. С-чѣ находили благодѣтеля, но и многіе бѣдные чужіе.

До конца жизни онъ давалъ ежемѣсячныя пособія нѣкоторымъ бѣднымъ жителямъ Сергіева Посада. Это были пансіонеры П. С-ча.

Великодушно принявъ на себя заботы о своихъ родныхъ, П. С-чъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ радостной семейной жизни и провести жизнь въ холостомъ одиночествѣ. Не весела была эта жизнь для него. „Въ теченіе всей своей жизни, писалъ П. С-чъ, я не зналъ, что такое веселость, и какъ то странно мнѣ смотрѣть, когда люди отъ души веселятся. Все скорби, нужды, заботы, немощи—вотъ что стоитъ въ ряду воспоминаній прошедшаго, и въ будущемъ ничего не представляется. Но при всемъ томъ есть какое то внутреннее спокойствіе среди самыхъ заботъ и огорченій, ибо что можно, то дѣлаемъ, хотя бы не всегда удовлетворительно“.

Жизнь П. С-ча часто возмущалась горестями, которыя при его впечатлительной натурѣ дѣйствовали на него очень болѣзненно и только глубокая вѣра въ Промыслъ Божій, преданность Богу могла дать ему силу не падать духомъ отъ гнета скорбей. „Предавая Господу животъ свой, писалъ П. С-чъ, отъ Его благой воли приѣмлю съ покорностію, что Ему угодно дать мнѣ—здоровье или болѣзнь, жизнь или смерть, только бы кончить жизнь не въ противленіи Его благодати“. Въ 1872 году въ скорбную минуту П. С-чъ писалъ: „Отъ Господа посѣщеніе, отъ Господа жду съ упованіемъ и ослабленія искушенія. Да будетъ благословенно имя Его, если и еще усугубить испытаніе. Не обращая тревожнаго взора впередъ, стараюсь жить только настоящимъ днемъ, вспоминая слова Господа: довлѣетъ днѣви злѣба его. Съ этими мыслями спокойнѣе смотрится на все круговращеніе“.

Съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ П. С-чъ переносилъ свои очень частыя болѣзни. „Изнемогается мнѣ, писалъ онъ въ 1875 году, конечно и время и погода и постъ—все выѣстѣ на болѣзненный мой организмъ дѣйствуютъ неблагопріятно. Если къ этому прибавить и слабость зрѣнія, то думается пора бы и на покой вѣчный. Но трепеть объемлетъ душу: будетъ ли кончина въ покой? Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Возопилъ бы: ослаби ми, да почию, прежде даже отъиду, но вспомнивъ, что нѣтъ подвиговъ,

нѣтъ добрыхъ дѣлъ, не хочу отречься отъ немощей и болѣзней, дабы терпѣніе ихъ было нѣкимъ, хотя бы слабымъ вознагражденіемъ добровольныхъ трудовъ“. Сила и свѣжесть религіознаго чувства никогда не ослабѣвала въ П. С-чѣ. Умъ его, склонный къ критикѣ, съ какимъ, можно сказать, дѣтскимъ простодушіемъ готовъ былъ всегда идти въ послушаніе вѣрѣ. Никогда не ослабѣвала въ немъ и ревность къ молитвѣ. Въ дурную погоду, больной, едва передвигая ноги, онъ шелъ въ церковь и выстаивалъ службу до конца. Онъ строго соблюдалъ постъ и только въ послѣднее время, когда желудокъ его не могъ переносить постную пищу, позволялъ себѣ рѣдкое нарушеніе поста. А съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ онъ приступалъ къ принятію св. Таинъ. Дни причащенія были самыми радостными днями въ его не-радостной жизни.

По характеру своему живому и общительному П. С-чъ не былъ склоненъ къ уединенной монашеской жизни. Онъ любилъ общество и искалъ общества. Онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ какъ среди духовныхъ, такъ свѣтскихъ лицъ. П. С-чъ особенно любилъ образованный дворянскій кругъ; его влекли туда возможность обмѣна разнообразныхъ свѣдѣній, разнообразіе взглядовъ и сужденій, та отличающая образованное и родовитое дворянство изящность и въ бытовыхъ привычкахъ и въ духовныхъ отношеніяхъ, которая трудно прививается къ людямъ другихъ классовъ; и наконецъ влекло П. С-ча въ этотъ кругъ и то глубокое сочувствіе, какимъ онъ пользовался со стороны многихъ лицъ изъ этого круга. Свѣтскіе цѣнили П. С-ча за его обширныя научныя познанія, за его всегдашнюю готовность оказать услугу и дѣломъ и словомъ, за прямоту и честность его характера. Въ этомъ обществѣ П. С-чъ нерѣдко являлся проповѣдникомъ здравыхъ религіозныхъ понятій и въ скромномъ званіи мірянина принесъ можетъ быть не менѣе пользы, чѣмъ призванный служитель церкви. Со многими изъ лицъ свѣтскаго общества П. С-чъ велъ переписку. Переписка эта интересна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ относились представители высшаго свѣтскаго общества къ скромнымъ ученымъ духовной школы въ то время, когда общественное положеніе и профессоровъ духовной академіи было не высоко и они не только не имѣли, но даже и не

мечтали имѣть какія либо внѣшнія преимущества въ родѣ чиновъ и орденовъ, которыя бы приближали ихъ къ великимъ этимъ преимуществами и положеніемъ лицамъ свѣтскаго общества. Для характеристики этихъ отношеній приведу нѣкоторыя изъ писемъ къ П. С-чу оберъ гофмейстера В. Д. Олсуфьева.

1853 г. Юля 7. Письмо Ваше отъ 3 сего Юля я имѣлъ удовольствіе получить и исполняя желаніе Ваше, препровождаю при семъ письмо къ Его Превосходительству Ивану Васильевичу Капнисту, въ коемъ прошу его объ опредѣленіи родственника Вашего Бѣляева въ канцелярію гражданскаго губернатора. Письмо это можете послать по почтѣ, но я полагаю лучшимъ, если онъ самъ съ нимъ явится.

Благодарю Васъ за поздравленіе съ полученною мною монаршею милостію: по участію, принимаемому Вами во всемъ до семейства моего относящемся, скажу Вамъ, что 1-го сего Юля, старшая дочь моя Ольга Всемилостивѣйше пожалована во фрейлины ко двору Ея Императорскаго Величества Государыни императрицы, которая сею милостію много насъ стариковъ утѣшила.

Вы всѣ по милости Божіей здоровы и живемъ съ Ихъ Высочествами въ Петергофѣ, гдѣ гоститъ у насъ и сестра Катерина Дмитриевна Муханова.

Къ празднику преп. Сергія отправлена мною къ преосвященному митрополиту золотыя съ камнями крестъ и Евангеліе, пожертвованныя Ихъ Императорскими Высочествами. Не знаю получены ли они во время и успѣли ли къ 5 Юля, какъ этого они желали. Ожидаю увѣдомленія Владыки, а если и Вамъ удосужится, то не оставьте написать, когда все это доставлено въ лавру и при какихъ обстоятельствахъ. Примите трудъ сказать мое усердное почтеніе о. намѣстнику, отцамъ Авелю, Герасиму, Савватію и всѣмъ кто насъ помнитъ. Съ искреннимъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою В. Олсуфьевъ.

1854 г. Августа 14. Я имѣлъ удовольствіе получить чрезъ брата Вашего, отца Архимандрита Плагона, первую часть сочиненія Вашего Исторія православнаго монашества и приношу Вамъ за оную душевную благодарность. То, что я успѣлъ уже прочитать меня заняло самымъ пріятнымъ образомъ и заставило желать, чтобы, продолжая трудъ Вашъ,

Вы описали намъ исторію монашества и въ Россіи. Благодаря Бога у насъ на подобныя книги еще читателей много, особенно когда они писаны такимъ слогомъ, какъ Вашъ. Еще разъ усердно благодарю Васъ и прошу принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и преданности. В. Олсуфьевъ.

1855 г. Февраля 2. Усердно благодарю Васъ за присланную вторую часть исторіи русскаго монашества. Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ и съ таковымъ же нетерпѣніемъ ожидаю продолженія. Примите трудъ засвидѣтельствовать мое почтеніе отцу намѣстнику, отцамъ Савватию и Герасиму и г. Горскому.

Со смертію графа Н. А. Протасова я лишился добраго и стараго друга. Исправляющимъ должность оберъ-прокурора назначень А. И. Карасевскій. Я его хорошо знаю и убѣжденъ, что онъ пойдетъ по стопамъ своего предмѣстника, стремясь къ той же благой цѣли. Братъ Вашъ о. Платонъ оставилъ Петербургъ и предъ отъѣздомъ у насъ обѣдалъ съ соловецкимъ Архимандритомъ.

Скажите, что дѣлаетъ о. Авель и что побудило его оставить лавру? Съ отличнѣйшимъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою В. Олсуфьевъ.

1855 г. Мая 7. Письмо Ваше отъ 27 Апрѣля имѣлъ удовольствіе получить и приношу Вамъ искреннѣйшую мою благодарность за поздравленіе меня и сыновей моихъ съ царскими милостями. Все это было такъ неожиданно, такъ нечаянно, что въ первыя минуты мнѣ самому не вѣрилось. Быть награждену въ дѣтяхъ, по моему, выше всякой награды намъ старикамъ. Теперь дорога открыта и они сами должны, помолясь Богу и уповая на Его неоскудѣвающую милость стараться быть достойными слугами царю и отечеству. Сегодня возвратился сюда Адамъ, узнавшій дорогою о его назначеніи флигель-адъютантомъ къ Государю Императору. Теперь по милости Божіей мы всѣ вмѣстѣ и съ ихъ Величествами переѣхали въ Царское Село. Адамъ не даромъ ѣздилъ помолиться въ обитель преподобнаго Сергія, къ которому имѣетъ особенное усердіе. Вотъ новое подтвержденіе русской пословицы, что за Богомъ молитва и за царемъ служба не пропадаютъ. Хотѣлось и намъ побывать у Васъ и помолиться у гроба преподобнаго, да въ настоящее время

нельзя отлучиться. Жена и дѣти свидѣтельствуютъ Вамъ усердные поклоны и благодарятъ за память, а я прошу вѣрить неизмѣнному моему уваженію и преданности. В. Олсуфьевъ.

Вы на меня не посѣтуете, что я письмо Ваше показалъ Государынѣ Императрицѣ.

1855 г. Мая 25. Письмо Ваше отъ 13 сего Мая имѣлъ удовольствіе получить и исполняя желаніе Ваше, написалъ къ И. В. Капнисту при семъ прилагаемое письмо. Оно подъ съемною печатью, прочтите его и сообразите какъ лучше, самому ли племяннику Вашему лично его представить, или отослать чрезъ городскую почту. Желаю отъ души полного ему успѣха.

Благодарю Васъ за доброе о всѣхъ насъ воспоминаніе, мы всѣ по сей часъ хранимы Божіею милостію. Я съ женою и дѣтьми въ концѣ недѣли переѣзжаю съ ихъ Величествами въ Петергофъ, сынъ Алексѣй въ послѣднихъ числахъ мая отправляется съ В. К. Николаемъ Николаевичемъ въ Варшаву, а Адамъ посланъ въ Севастополь. Помолитесь о немъ при мощахъ преподобнаго Сергія, да святыми его молитвами Господь хранитъ его здравіе и невредимо и благополучно возвратитъ его къ намъ. Прося Васъ сказать моѣ усердный поклонъ отцамъ намѣстнику, Савватію и Герасиму имѣю честь быть съ отличнымъ уваженіемъ Вашимъ покорнымъ слугою В. Олсуфьевъ“.

Въ послѣдніе годы своей жизни П. С-чъ особенно сблизился съ проживавшимъ въ Сергіевомъ Посадѣ графомъ Д. Н. Толстымъ. По слабости зрѣнія не имѣя возможности заниматься съ огнемъ, П. С-чъ обычно вечера проводилъ въ обществѣ графа. Скончался П. С-чъ 58 лѣтъ отъ роду, 24 Февраля 1878 года. Слабый организмъ его сильно потрясла кончина въ 1877 году горячо любимаго брата преосвященнаго Платона. Но обычная бодрость духа не оставляла его до послѣднихъ дней, и онъ не оставлялъ обычныхъ занятій, не перемѣнялъ образа жизни почти до самой кончины, такъ что окружающіе его близкіе люди не могли думать, что дни его сочтены. За четыре дня до кончины болѣзнь заставила его лечь въ постель. Находясь въ полномъ сознаніи, онъ испытывалъ сильныя страданія, но не терялъ надежды преодолѣть болѣзнь. Лѣчившій его врачъ также подавалъ ему надежду на выздоровленіе. Только

въ самый день кончины, чувствуя себя особенно плохо, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на другое утро призванъ былъ священникъ напутствовать его Св. Таинствами. Но за два часа до смерти, вечеромъ, ему сдѣлалось хуже, и тогда же, по его желанію, призванъ былъ священникъ приходской церкви. Съ полнымъ сознаніемъ онъ исповѣдывался и стоя, хотя едва могъ держаться на ногахъ отъ крайняго упадка силъ, причастился св. Христовыхъ Таинъ съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ онъ всегда приступалъ къ этому великому таинству. Приготовивъ себя къ загробной жизни, онъ прилегъ на постель и тихо, почти безъ обычной агоніи, окончилъ свою трудовую жизнь.

III.

„Онъ былъ весьма почтенный ученый, писалъ о П. С-чѣ профессоръ Московской Духовной Академіи Е. Е. Голубинскій, который много и усердно трудился, который искренно желалъ и стремился принести посильную пользу наукѣ и который оставилъ послѣ себя длинный рядъ изслѣдованій и нѣсколько цѣлыхъ книгъ. Въ средѣ большинства русскихъ ученыхъ Петръ Симоновичъ былъ цѣнимъ по достоинству и пользовался неподдѣльнымъ уваженіемъ, котораго вполне заслуживалъ“.

Литературные труды П. С-ча многочисленны и разнообразны. Подробный перечень его печатныхъ трудовъ сдѣланъ профессоромъ Е. Е. Голубинскимъ ¹⁾ и о. протоіереемъ С. К. Смирновымъ въ его исторіи Академіи. О достоинствѣ ученыхъ трудовъ П. С-ча почтенный профессоръ академіи Е. Е. Голубинскій сдѣлалъ такой отзывъ: „Пишущій эти строки не считаетъ себя компетентнымъ судіею качества всѣхъ его трудовъ, но какъ кажется, онъ не ошибается и не будетъ обвиненъ въ пристрастіи отзыва, если усвоитъ имъ достоинство полноты изученія предметовъ и самостоятельности ихъ изслѣдованія. Выдающимся образомъ Петръ Симоновичъ ознаменовалъ себя въ русской гражданской исторіи. Разработка всякой исторіи имѣетъ нѣсколько періодовъ: періодъ собиранія и свода матеріаловъ, періодъ критической ихъ обработки и періодъ болѣе или менѣе совершеннаго созида-

¹⁾ Прав. Обзор. 1878 г. Мартъ.

нія исторіи изъ матеріала уже обработаннаго. Наша русская исторія находится въ переходѣ изъ перваго періода во второй, и покойный Петръ Симоновичъ долженъ быть причтенъ къ числу нашихъ ученыхъ, которые содѣйствовали этому ея движенію. Его содѣйствіе было частное, потому что и труды свои русской гражданской исторіи онъ посвящалъ только отчасти: но тѣмъ не менѣе оно весьма почтенно и по своей серьезности и потому еще, что покойный былъ однимъ изъ предначинателей критики. Въ своихъ статьяхъ о Несторѣ Петръ Симоновичъ заявляетъ и доказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой, могла быть приписана блаженному Нестору, который писалъ житіе преподобнаго Θεодосія Печерскаго ¹⁾. Сомнѣніе, для своего времени неожиданное, принято было далеко неблагосклонно, болѣе какъ праздный иперскептицизмъ; но это нисколько не мѣшало ему быть совершенно основательнымъ, въ концѣ концовъ подорвать вѣру и послужить точкою отправления вообще для новыхъ изысканій о лѣтописи. Не высказывая здѣсь собственнаго предположенія на счетъ вѣроятнаго окончательнаго рѣшенія вопроса о лицѣ лѣтописца, допустимъ, что снова доказана будетъ справедливость мнѣнія объ его тождествѣ съ преподобнымъ Несторомъ. Во всякомъ случаѣ это будетъ сдѣлано никакъ не на основаніи доказательствъ прежнихъ, а только на основаніи доказательствъ новыхъ, если они найдутся, а такимъ образомъ за Петромъ Симоновичемъ во всякомъ случаѣ останется честь почина въ перерѣшеніи вопроса. Изъ сейчасъ указаннаго ясно, какъ были несправедливы къ Петру Симоновичу тѣ, которые считали его въ научномъ отношеніи не особеннымъ доброжелателемъ критики, сомнѣній и новыхъ мнѣній, и поборникомъ застоя и повторенія задовъ. Такое представленіе о покойномъ, если не ошибаемся, сложилось у нѣкоторыхъ, не совсѣмъ хорошо знакомыхъ съ его учеными трудами по заключенію отъ его консерватизма нравственнаго. Рѣшительно опровергая подобное о себѣ мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ приложеніи къ русской исторіи,

¹⁾ Статьи П. С-ча о Несторѣ напечатаны во Временникѣ Общества Исторіи и древностей за 1849, 1850 и 1852 г.г. и въ Отечественныхъ Запискахъ за 1851 г.

вотъ что писалъ Петръ Симоновичъ въ одномъ письмѣ къ Погодину. „Мнѣ кажется, напрасно вы такъ горячо нападаете на такъ называемую вами новую школу русской исторіи. Если и есть тутъ односторонность, то сколько новыхъ свѣжихъ мыслей брошено въ сокровищницу свѣдѣній о нашей древней Руси. Хотя бы и всѣ эти мысли были несправедливы, но не они ли (представители новой школы) заставляютъ насъ ветерановъ науки, вновь переислѣдовать многія стороны жизни русской, на которыя прежде не такъ много обращали вниманія? А развѣ это маловажная заслуга? Взглядъ расширяется, открываются новыя стороны и истина восторгается (Москвитянинъ 1849 г. ч. II, смѣсь, стр. 11“).

Свою литературную дѣятельность П. С-чъ началъ вскорѣ же послѣ поступленія на академическую службу и продолжалъ ее до самой кончины. Мы сообщимъ здѣсь немногія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литературныхъ трудахъ его, которые могутъ имѣть значеніе для характеристики какъ П. С-ча, такъ и его времени. Первые статьи П. С-ча по исторіи восточнаго монашества стали появляться въ академическомъ журналѣ съ 1845 года. Въ этомъ году онъ напечаталъ лучшее изъ своихъ изслѣдованій по исторіи монашества — о Макаріи Египетскомъ. Не утверждаемъ положительно, но надобно думать, что это изслѣдованіе было плодомъ еще студенческихъ трудовъ П. С-ча. Сочувствіе, которое онъ питалъ къ монашеству, обратила его вниманіе на исторію этого учрежденія. Самъ П. С-чъ говорилъ, что онъ сохранялъ всегда благоговѣйное сочувствіе къ монашеству и имѣлъ намѣреніе прослѣдить всю судьбу его какъ на Востокъ, такъ и на Западъ до позднѣйшаго времени, но написалъ только исторію монашества египетскаго въ IV и V вѣкахъ. Свою исторію П. С-чъ представилъ на просмотръ митрополиту Филарету. Митрополитъ написалъ нѣсколько замѣчаній въ рѣзкихъ выраженіяхъ, но узнавъ, что у П. С-ча нѣтъ денегъ на печатаніе второй части исторіи, далъ ихъ. Исторія православнаго монашества, изданная П. С-чемъ въ 1854—56 г. считается лучшимъ изслѣдованіемъ по этому предмету. Съ 1850 года П. С-чъ началъ печатать въ академическомъ журналѣ статьи по исторіи русскаго монашества, а въ 1855 году издалъ исторію русскаго монашества отъ основанія Печерской лавры Антоніемъ до основанія Троицкой лавры препод. Сергіемъ.

Занимаясь исторією русскаго монашества онъ натолкнулся на нѣкоторые вопросы о первоначальной лѣтописи, разрѣшеніе которыхъ сдѣлало его имя извѣстнымъ въ ученое мѣръ. Профессоръ Е. Е. Голубинскій говоритъ, что „стороны нравственной статьи П. С-ча о Несторѣ справедливо должны быть считаемы своего рода подвигомъ. Онѣ писаны въ то время, когда вообще въ Россіи и въ частности въ церковной сферѣ Москвы критика была далеко не въ модѣ. Не утверждаемъ навѣрно, но весьма подозрѣваемъ, что ему пришлось потерпѣть за нихъ неприятели“. Дѣйствительно эти статьи доставили П. С-чу неприятели. Академикъ Бутковъ прислалъ митрополиту Филарету свою критику на изслѣдованія П. С-ча. Митрополитъ потребовалъ объясненія отъ смѣлаго изслѣдователя и нужны были подробныя объясненія отъ автора и защита его взгляда со стороны А. В. Горскаго, чтобы успокоить митрополита. Филаретъ запретилъ П. С-чу писать дальнѣйшія статьи по вопросу о лѣтописцѣ во избѣжаніе того, что бы полемика, возбужденная этими статьями, не приняла рѣзкій характеръ. Задумавъ издать слова и рѣчи родного дяди своего преосвященнаго Кирилла, архіепископа Каменецъ-подольскаго, П. С-чъ написалъ его біографію. Эта біографія не могла миновать предварительной цензуры митрополита. Митрополитъ многое вычеркнулъ изъ рукописи и сдѣлалъ на поляхъ свои замѣчанія, интересныя для характеристики отношенія Филарета къ литературнымъ трудамъ наставниковъ академіи. Говоря объ обученіи Константина Богословскаго (въ монашествѣ Кирилла) въ Троицкой семинаріи, П. С-чъ писалъ: въ Троицкой семинаріи въ богословіи руководствомъ была сокращенная система Теофана Прокоповича. Но такъ какъ въ это время вышли системы Фальковскаго и Карпинскаго, то уроки готовили и по нимъ. Былъ классъ чтенія св. Писанія“. Митрополитъ замѣтилъ: „не правда. Въ первый разъ слышу, что это правда“. „Однажды ректоръ Августинъ, говорится въ біографіи, задалъ сказать двоестиніе на слова: *мы не ѣли*. Константинъ Богословскій тотчасъ же всталъ и экспромптомъ произнесъ: свѣтло дневное возшло уже выше ели, а мы еще съ утра ни крошечки не ѣли. Митрополитъ написалъ: „не правда, это не его стихи“. П. С-чъ писалъ, что жалованье наставникамъ семинаріи было не велико въ 1789 году: учителю

риторики 160 р., греческаго языка 160 р. Митрополитъ замѣчаетъ: „сомнѣваюсь. Развѣ по заслугѣ мнѣ въ 1803 году при опредѣленіи на греческій и еврейскій классъ назначено было 140 р. и это было къ удивленію?“ Въ біографіи было написано: въ то время считалось легче объясняться по латинѣ, нежели по русски и писать сочиненія на латинскомъ, нежели на русскомъ языкѣ. Кто мало успѣвалъ въ знаніи латинскаго языка, того исключали“. Митрополитъ замѣтилъ: это кончили прежде Кирилла. Въ мое время уже писали на русскомъ лучше, чѣмъ на латинскомъ. Въ мое время уже было много русскихъ книгъ“. П. С-чъ, говоря объ обученіи Кирилла въ Петербургской академіи, привелъ выдержки изъ автобіографіи Феслера, преподавателя философскихъ наукъ въ академіи. „Въ присутствіи митрополита Амвросія и Ректора Академіи Сергія, пишетъ Феслеръ въ своей автобіографіи, началъ я свои лекціи: введеніе въ философію. Митрополитъ самъ далъ мнѣ въ Академіи комнату, гдѣ я ежедневно съ 8 часовъ утра до 5 вечера съ студентами, которымъ по недостаточному знанію языка, были непонятны мои уроки, повторялъ ихъ и объяснялъ. Эта услужливость и вообще привѣтливое обращеніе мое съ студентами приобрѣли мнѣ безусловную довѣренность и сердечную ихъ привязанность, которая доселѣ сохраняется неизмѣнно. Ихъ таланты, ревность къ ученію и прилежаніе вознаградили бы труды основательнымъ успѣхомъ, если бы Леонидъ ¹⁾, любимецъ архіепископа Теофилакта, не восталъ противъ меня и не вооружилъ архіепископа. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы Платонизмъ предпочитаемъ былъ Аристотелевой схоластикѣ, Вольфову эклектизму и Кантову критицизму, и дѣлалъ рѣзкія замѣчанія, изъ которыхъ открывалось, что онъ не понималъ одного мѣста изъ обзоренія моихъ философскихъ уроковъ. Въ іюнѣ 1810 года я получилъ увольненіе отъ своей должности“. Феслеръ въ числѣ студентовъ, преданныхъ ему, упоминаетъ и Константина Богословскаго. Митрополиту показалось неудобнымъ въ біографіи преосвященнаго Кирилла говорить о Феслерѣ. „О дѣлѣ Феслера говорить неудобно, потому что начальство о семъ ничего не

¹⁾ Архимандритъ Леонидъ бакалавръ словесныхъ наукъ въ Петербургской академіи.

объявило, и потому нельзя знать, не почитаетъ ли начальство нужнымъ молчаніе. Неудобно также и потому, что сочинителю неизвѣстно это дѣло. А выписка изъ Феслера, который преосвященнаго Кирилла объявляетъ своимъ приверженцемъ, кромѣ того, что недостоверно, по моему мнѣнію можетъ служить не къ чести, а къ оскорбленію памяти преосвященнаго“. П. С-чъ писалъ: „встрѣча съ другимъ ложнымъ ученіемъ прошла для него (Кирилла) невредимо,—мы разумѣемъ склонность къ мистицизму, господствовавшую въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія“. Митрополитъ съ неудовольствіемъ замѣчаетъ на это: „удивительно, что сочинитель ставитъ рядомъ встрѣчу съ ученіемъ Феслера и съ другимъ ложнымъ ученіемъ мистицизмомъ. Какъ это рядомъ съ Феслеромъ, то неужели сочинитель думаетъ, что въ академіи учили ложному ученію мистицизма? Или это онъ находитъ въ тогдашнемъ духовенствѣ внѣ академіи? Чѣмъ онъ это докажетъ? И понимаетъ ли онъ дѣло? Были недоразумѣнія, но ихъ трудно было разобрать и видящему вблизи, а тѣмъ болѣе издали. Напримѣръ случилось, что когда одинъ предлагалъ напечатать Добротолубіе и книгу Исаака Сирина, другой возразилъ: не скажутъ ли, что это мистическое направленіе? Но Добротолубіе доселѣ пока печатается, писанія Исаака Сирина печатаны были по частямъ въ Христіанскомъ Читеніи, а теперь хотятъ печатать оныя вполнѣ. Не скажетъ ли сочинитель, что все это мистицизмъ? Не обвинить ли онъ въ мистицизмѣ и издателей новаго перевода писаній св. Макарія, ибо историки мистической богословіи причисляютъ Макарія къ мистическимъ богословамъ?“ Въ біографіи Кирилла было написано: по порученію Комиссіи Духовныхъ училищъ подъ личнымъ надзоромъ Кирилла дѣлаемъ былъ переводъ книгъ В. Завѣта съ еврейскаго языка“. Митрополитъ замѣчаетъ: „что говорить о младенцѣ, который не вышелъ изъ чрева? Лучше упомянуть, что онъ въ Петербургѣ переводилъ одного изъ евангелистовъ, не помню котораго. Но объ этомъ говорить теперь не время“. Въ біографіи приведено было изъ писемъ Кирилла слѣдующее мѣсто: по благодати Божіей народъ вѣруетъ, какъ и должно, безъ ислѣдованія. Какая же польза и цѣль преданіе изъяснять или силиться изъяснять историческою достоверностію, когда это трудно и даже невозможно“. На та-

кое разсужденіе преосвященнаго Кирилла митрополитъ замѣтилъ: „какое же достоинство можетъ имѣть преданіе безъ исторической достовѣрности? Истинное преданіе имѣетъ соединенную съ собою историческую достовѣрность и носить въ себѣ ея признаки. Иначе неужели надобно всякой сказкѣ вѣрить не менѣе преданія“.

Какъ на недостатки, которые не желательно бы видѣть въ біографіи преосвященнаго Кирилла, митрополитъ указалъ на слѣдующее: „По моему мнѣнію напрасно сочинитель примѣшиваетъ къ жизнеописанію предметы совершенно посторонніе, какъ напримѣръ описаніе встрѣчи императора Александра 1-го, напрасно выкапываетъ изъ земли варварскія мелочи, каковы бурса, фара. Мнѣ кажется, что выписка изъ сочиненія о томъ, что міръ есть произведеніе разумной причины, не украшаетъ ни сочиненіе, ни преосвященнаго Кирилла. Сочиненіе, освобожденное отъ постороннихъ предметовъ и мелочей, отнимающихъ у него достоинство и занимательность, будетъ имѣть болѣе достоинства и занимательности“. Возвращая рукопись митрополитъ писалъ: Сочинитель жизнеописанія преосвященнаго Кирилла можетъ—быть не доволенъ будетъ, что оно рано попало въ мои руки. А я думаю, что это не худо. Если ему не угодно будетъ принять мои замѣчанія, то по крайней мѣрѣ не излишнимъ признаю ихъ къ соображенію цензуры. Ноября 22 1852 г. Замѣчанія митрополита были приняты П. С.—чемъ и въ печатномъ изданіи біографіи были выпущены тѣ мѣста, которыя вызвали возраженія святителя.

По глубокому своему религіозному чувству, по любви къ церкви П. С.—чѣ избралъ предметы для своихъ ученыхъ работъ почти исключительно изъ церковной исторіи, а не гражданской, которую онъ преподавалъ съ академической кафедры. По общей гражданской исторіи имъ написанъ только одинъ учебникъ. Составленіе учебника по всеобщей исторіи, въ замѣнъ исторіи Шрека, было поручено П. С.—чу св. Синодомъ 1857 году. Святитель Филаретъ далъ наставленіе, какъ долженъ быть составленъ учебникъ. Въ 1857 году онъ писалъ: Графъ А. Петровичъ сказывалъ, что профессору Казанскому хотятъ поручить составленіе учебной книги по всеобщей исторіи. Желательно, чтобы дѣло нашло добрый путь. Съ нѣкотораго времени подъ названіемъ учебныхъ

книгъ пишутъ рассказы болѣе или менѣе обширные. Мнѣ кажется, что учебная книга должна быть раздѣлена по возможности правильно и ясно, не только на части и отдѣленія, но и на малыя статьи опредѣленнаго содержанія, изложенныя кратко, съ отдѣльными, гдѣ нужно, дополненіями, примѣчаніями и указаніями на источники. Такимъ образомъ классическая книга должна быть нитью, за которую бы держались преподающій и слушающій. Преподающему осталось бы дѣло изъяснять, дополнять, доказывать и опровергать противныя классическому ученію ложныя мысли. Учащимся удобно было бы съ помощію классической книги удерживать преподаваемое и имъ остался бы уменьшеннымъ трудъ записывать иногда нужное изъ устной лекціи наставника". Когда П. С—чъ представилъ свой учебникъ исторіи митрополиту, то тотъ остался не совсѣмъ доволенъ имъ, замѣтивъ, что „тутъ не исторія, а философія исторіи“. По указанію святителя П. С—чъ исправилъ свою исторію. Напечатана была и введена въ семинаріяхъ только первая часть учебника П. С—ча (отъ начала до Константина великаго). Онъ написалъ и исторію среднихъ вѣковъ, но она не была одобрена въ качествѣ учебнаго руководства. Рекомендованъ былъ для семинарій учебникъ Иловайскаго. Учебный комитетъ при св. Синодѣ принявъ во вниманіе, что въ учебникѣ средней исторіи П. С—ча отдѣлъ о Византійской исторіи, имѣющій особенную важность при изученіи всеобщей исторіи въ семинаріяхъ, представленъ съ большою полнотою, чѣмъ въ другихъ учебникахъ, рекомендовалъ трудъ П. С—ча въ учебное пособіе для преподавателей духовныхъ семинарій. Въ отзывѣ объ учебникѣ П. С—ча было сказано: „Къ числу наибольшихъ заслугъ автора слѣдуетъ отнести то, что онъ посвятилъ больше, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, вниманіе исторіи Византіи, рассматривая ее не какъ придатокъ только къ исторіи западныхъ государствъ, но какъ отдѣлъ исторіи вполне самостоятельный и имѣющій большое значеніе для христіанскаго и мусульманскаго Востока, и также и для самаго Запада. Изложивъ обстоятельно причины разрыва между Западомъ и Востокомъ, авторъ рассматриваетъ за тѣмъ Византію какъ государство, воспитывавшее подъ сѣнью православія и высокой своей цивилизаціи славянскія племена. При изложеніи крестовыхъ походовъ авторъ точно

также становится на болѣе высокую и вѣрную точку зрѣнія, рассматривая это явленіе какъ одну лишь часть борьбы христіанства съ магометанствомъ и сопоставляя съ нимъ борьбу Византіи и Россіи съ Турками и Монголами“. П. С—чъ хотѣлъ напечатать свою исторію среднихъ вѣковъ, но по недостатку средствъ не могъ выполнить своего намѣренія.

Ученые труды П. С-ча рано обратили на него вниманіе русскаго ученаго міра. Уже въ 1847 году Императорское Общество исторіи и древностей руссіискихъ за услуги, оказанныя отечественной исторіи и исторіи русской Церкви, избрало его въ дѣйствительные члены. Въ 1850 году Петербургское Археологическое Общество избрало П. С-ча, вмѣстѣ съ А. В. Горскимъ, въ члены корреспонденты. Какъ къ знатоку церковной исторіи и археологіи обращались къ нему съ вопросами и учеными порученіями видные представители исторической науки: Сахаровъ, Бодянский, Погодинъ, Срезневскій, Уваровъ, Герцъ и другіе. П. С-чъ никогда не отказывался принимать участіе въ трудахъ ученыхъ и охотно дѣлился своими познаніями ¹⁾. Сохранившіяся письма русскихъ ученыхъ къ П. С-чу показываютъ, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относились представители свѣтскаго образованія къ скромному представителю духовнаго образованія въ то время, когда наша духовная школа мало пользовалась извѣстностію и вниманіемъ въ образованномъ русскомъ обществѣ. И. П. Сахаровъ въ письмѣ къ П. С-чу отъ 19 Октября 1849 года писалъ: „Сто разъ благодарю васъ за письмо, за ваши драгоцѣнныя свѣдѣнія. Вѣрите ли, что ежедневно получаю письма изъ разныхъ мѣстъ о нашихъ иконахъ; но они или не понимаютъ этого дѣла, или я дурно изъясняюсь о этомъ предметѣ. Вы одни изъ тѣхъ, къ которымъ я обращался, которые понимаютъ это дѣло и которые съ любовію готовы сообщить свои свѣдѣнія. Пишите все, что вы знаете: это будетъ мнѣ поученіе, живой глаголь челоуѣка здраваго и знающаго нашу Русь“. О. М. Бодянский, получивъ изслѣдованіе П. С-ча о времени основанія Печерской обители писалъ ему въ 1855 году: „Примите отъ

¹⁾ Въ 1865 г. П. С-чъ былъ избранъ въ члены Московскаго археологическаго общества и принималъ участіе въ засѣданіяхъ и трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ.

меня горячее спасибо за присылку своего новѣйшаго труда, который тутъ же былъ мною прочитанъ съ душевнымъ удовольствіемъ. Вотъ такихъ-то намъ розысковъ и разсказовъ недостаетъ, недостаетъ и недостаетъ. Просто, ясно, доказательно и общедоступно, равно какъ и не безъ подробныхъ и тяжкихъ изслѣдованій: разумѣю въ особенности поиски Ваши о пребываніи Антонія въ пещерѣ. Какъ ларчикъ то, подумаешь, легко открывался, и однакожь, только мастеръ могъ отпереть его! Отъ души спасибо Вамъ еще разъ за ключикъ къ этому ларчику. Будьте здоровы, благополучны и не забывайте *persona et litteris* Вашего преданнѣйшаго слугу и почитателя О. Бодянскаго“. И. И. Срезневскій цѣнилъ П. С-ча какъ ученаго и человѣка. Въ одномъ изъ писемъ къ нему И. И. писалъ: „Вы заставили меня за труды свои почитать васъ еще до личнаго знакомства, а затѣмъ болѣе, когда узналъ съ вашимъ прекраснымъ умомъ и вашу прекрасную душу“.

Предупредительная готовность П. С-ча дѣлиться съ другими своими познаніями побуждала людей лично съ нимъ незнакомыхъ обращаться къ нему съ учеными вопросами и порученіями. По кончинѣ А. Васильевича Горскаго Николай Саввичъ Тихонравовъ писалъ П. С-чу: „Прежде всего прошу великодушно извинить меня въ томъ, что, не имѣя удовольствія быть знакомымъ съ Вами, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Дѣло въ слѣдующемъ. Занимаясь составленіемъ небольшой статьи объ ученыхъ трудахъ покойнаго А. В. Горскаго, я не разъ встрѣчался съ недоумѣніемъ, коихъ никто изъ лицъ, знавшихъ достаточно ректора, не могъ мнѣ объяснить. Лицо, отъ котораго справедливо я ожидалъ всякихъ указаній относительно статей А. Васильевича въ Москвитянинѣ,—М. П. Погодинъ немногимъ пережилъ своего знаменитаго сотрудника, а въ последнее время находился въ такомъ состояніи, что затворялъ уста любопытствующихъ. Преданіе объ анонимныхъ статьяхъ Вашего ректора быстро изглаживается, а между тѣмъ его нужно сохранить. Зная, что Вы принадлежали къ числу немногихъ близкихъ къ покойному людей, я и рѣшаюсь покорнѣйше Васъ просить разрѣшить нѣкоторыя изъ моихъ недоумѣній. Въ 6 № Москвитянина за 1843 годъ Погодинъ сказалъ: Въ одно время съ этимъ письмомъ (отъ

Шафарика) получилъ я отъ Русскаго ученаго, который уже украсилъ Москвитянинъ многими статьями, изслѣдованіе о Константиновомъ житіи (стр. 550). Но какія это многія статьи Александра Васильевича? Мнѣ извѣстны изъ нихъ, кромѣ изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи, лишь двѣ: Возраженіе Голохвостову и замѣтка объ Аврааміи Палицынѣ. Не сохранилось ли у Васъ какихъ либо указаній на другія сочиненія А. В. въ Москвитянинѣ? Я съ своей стороны почти увѣренъ, что первая рецензія на Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, напечатанная во 2-мъ томѣ Москвитянина за 1843 годъ, писана А. Васильевичемъ. Правда ли это? Вотъ два главные вопроса, разрѣшеніемъ которыхъ Вы окажете услугу не мнѣ только, но и всѣмъ почитателямъ имени Горскаго. Второе мое недоумѣніе касается степени участія Александра Васильевича въ русскомъ переводѣ Новаго Завѣта. Впрочемъ, рѣшаясь предложить на Ваше усмотрѣніе мои недоумѣнія, я долженъ прибавить, что буду благодаренъ Вамъ за всякія указанія объ ученыхъ трудахъ А. В., дополняющія тѣ еще недостаточныя свѣдѣнія, которыя напечатаны въ некрологахъ.

Получивъ отвѣтное письмо П. С-ча Николай Саввичъ писалъ: „Приношу Вамъ искреннѣйшую и глубокую благодарность за то радушное письмо, коимъ Вы меня почтили. Свѣдѣнія, въ немъ сообщенныя, для меня въ высшей степени важны и дороги, и я воспользуюсь ими, помня золотое правило *sumus siquae*. Но, независимо отъ содержанія, Ваше письмо доставило мнѣ истинное удовольствіе тѣмъ благорасположеніемъ, коимъ Вы встрѣтили мою попытку напомнить публикѣ объ ученыхъ трудахъ А. В. Такъ какъ статья моя приняла болѣе широкій объемъ, чѣмъ прежде предполагалось, то я не успѣлъ напечатать въ Отчетѣ Университета. Она появится въ Православномъ Обзорѣніи и отдѣльные ея оттиски я доставлю Вамъ по напечатаніи.

Записку Вашу объ участіи А. В. въ переводѣ на Русскій языкъ библіи возвращаю при семъ съ глубокою благодарностію: для себя я списалъ ее вполнѣ“.

П. С-чъ закончилъ свои ученые труды изслѣдованіемъ о личности перваго Лжедмитрія, и закончилъ, по отзыву профессора Е. Е. Голубинскаго „достойнымъ образомъ. Люди, интересующіеся предметомъ и успѣвшіе ознакомиться съ

статьей, конечно согласятся съ нами признать ее прекрасно и замѣчательной“¹⁾).

Кромѣ многочисленныхъ ученыхъ изслѣдованій П. С-чъ, какъ человѣкъ глубоко благочестивый написалъ много статей и книгъ духовно-нравственныхъ и нѣсколько службъ и акаѣистовъ. Большая часть ихъ издана извѣстнымъ издателемъ духовно-нравственныхъ книгъ Н. В. Елагинымъ. Въ 1860 году Елагинъ предложилъ П. С-чу написать житіе св. Тихона (до открытія его мощей). П. С-чъ говорилъ, что это порученіе было ему особенно по душѣ. Написанное имъ житіе было издано нѣсколько разъ. Затѣмъ, по просьбѣ же Елагина, онъ написалъ и акаѣистъ св. Тихону. Митрополитъ Филаретъ былъ недоволенъ тѣмъ, что акаѣистъ написанъ былъ и представленъ на разсмотрѣніе безъ его вѣдома. „Митрополитъ гнѣвается на меня, писалъ П. С-чъ, что я не испросилъ благословенія написать службу и акаѣистъ. Митрополитъ вообще противъ акаѣистовъ. „Акаѣисты читаютъ, говоритъ онъ, а каѣизмы опускаютъ. Это незаконно“. Въ послѣдніе годы своей жизни П. С-чъ трудился надъ составленіемъ подробнаго житія преп. Сергія, память котораго особенно чтить, но не успѣлъ окончить при жизни. Предъ кончиною П. С-чъ говорилъ: „нѣтъ соизволенія преподобнаго, чтобы я описалъ его житіе“. Онъ имѣлъ способность писать свободно и быстро. Поэтому и статьи, которыя не требовали ученыхъ изысканій, писалъ онъ въ очень короткое время. Этимъ объясняется, какимъ образомъ онъ среди постоянныхъ ученыхъ работъ могъ издать много статей и книгъ духовно-нравственнаго содержанія.

Протоіерей А. Бѣляевъ.

¹⁾ Напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1877 г.